

Страх меня преследует всю жизнь

Моя малая родина – посёлок Любохна на севере Брянской области. Здесь я родилась в 1935 году. Отец занимал руководящую должность на Любохонском чугунолитейном заводе и часто бывал в командировках. Летом 1941 года он был командирован в Выборг на один из заводов и взял с собой семью. Когда началась Великая Отечественная война, папа успел отправить нас домой в Любохну, а сам остался в Выборге готовить завод к эвакуации.

Наш посёлок был оккупирован немцами в октябре 1941 года. Дом наш находился на центральной улице и в нём сразу поселились немцы, нас выгнали на кухню, а летом вообще в сарай. Однажды семья обедала: дедушка, бабушка, мама, я (мне было 6 лет) и мой младший брат. Открылась дверь, вошел человек в оборванной одежде. Дедушка спросил: «Что тебе нужно, служивый?» А он ответил: «Дядя Тимофей, неужели ты меня не узнаёшь? Ведь это я – Шурка!» Это оказался дедушкин племянник Александр Алексеевич Головачёв, он вышел из окружения и добрался до дома. Но его мать и сёстры эвакуировались, и дом стоял пустой. Дядя Шура некоторое время жил у нас. Писал листовки, а ночью наклеивал на столбы. Моя мама (его двоюродная сестра) спрашивала: «Неужели немцы победят?» А он ей отвечал: «Никогда! Мы еще будем в Берлине чай пить!» Потом он ушел в партизанский отряд. Когда в нашем Дятьковском районе и у нас в посёлке на несколько месяцев установился партизанский край, освобожденный от фашистов, дядя перебрался в действующую Красную Армию. Воевал, дослужился до комбрига, дважды удостоен звания Героя Советского Союза. Пить чай в Берлине ему не пришлось – погиб в марте 1945 года в боях за освобождение Польши. В 60-е годы в Любохне Александру Головачёву установили бронзовый бюст.

Когда у нас в районе в тылу у немцев восстановилась советская власть, фашисты не могли с этим смириться. 7 июня 1942 г. они начали обстрел посёлка из-за реки Болвы, а ближе к ночи бомбёжку. Напротив нашего дома был большой бывший купеческий дом, а рядом огромный каменный магазин с подвалом. Жители улицы во время бомбежки спрятались в подвал. В дом попала бомба, вход в подвал наполовину засыпало и убило женщину-соседку. Когда мы выбрались из подвала, мама схватила меня с братом и

побежала к речке под обрыв. Дома на одной стороне улицы горели как свечи. Никогда не забуду этот пожар. Потом мы скрылись в лесу, 2-3 дня жили в шалаше под дождем, пришлось вернуться домой. Дом был цел, но выбиты все стёкла, мы жили на кухне.

Когда фашисты взяли посёлок во второй раз, их зверствам не было предела. Первыми повесили родителей командира партизанского отряда, а его дочь расстреляли. В сарае сожгли несколько человек, которые помогали партизанам. Соседние деревни полностью сожгли, а жителей выгнали.

Очень хорошо помню, как я плакала, кричала, когда полицай забирал нашу корову. Мой плач разозлил полицая, он вынул пистолет и направил на меня. Мама бросилась к нему со словами: «Забирайте корову скорее!!!» Схватила меня и унесла в дом.

Осенью 1943 года, когда немцы стали отступать, подогнали на станцию товарный состав, а жителей выгоняли под дулами автоматов и заталкивали в вагоны. Наша семья и большая семья бабушки со стороны отца оказались в одном вагоне. Куда нас везли – никто не знал. А привезли нас в Литву в концлагерь «Алитус», поместили в барак с двухъярусными нарами из сетки. Холод был страшный, голод – кормили нас отвратительной баландой. Некоторые сердобольные литовцы подходили к ограждению лагеря, чтобы бросить нам хлеба, но это не всегда удавалось – всё зависело от охранника: «добрые» разрешали передать еду, а остальные отгоняли литовцев, угрожая автоматом. Но больше всего донимали блохи, их там было полно. Кусали так, что спать было невозможно. В бараке стоял рёв и стон. Потом нас перевели в другое помещение типа спортзала, где все располагались на полу рядами. Многие дети умирали. Умерла, простудившись в холодном помещении, и моя двоюродная сестра, двухлетняя Павлинка. Мне врезался в память страшный надзиратель – он отбирал детей, чтобы взять у них кровь. Когда он появлялся, то нас, детей, клали вдоль стен и укрывали тряпьем. Это было так страшно, что даже самые маленькие дети молчали. Этот страх меня преследует всю жизнь. Как мы остались живы, не знаю.

Зимой нас посадили на подводы – это литовские богатые крестьяне забирали семьи для работы в хозяйстве. Женщины упросили, чтобы всех родственников взяли в одно место. Когда нас привезли на хутор, то хозяйка орала, не хотела нас брать, но потом взяла. Я с бабушкой спала на печке, а мама с братом за печкой. Но были в тепле и относительно сыты. Все мы, выжившие, благодарны литовцам за то, что не дали нам умереть с голоду. Нам разрешали побираться, ходить по хуторам. Подавали хлеб, картошку. Однажды меня покусала собака, и рана долго не заживала. Мама помогала по хозяйству, а бабушка хорошо вязала на хозяйскую семью, и они нас подкармливали. Потом нас определили к другому хозяину, где мы жили в сарае. Варить еду разрешали на кухне, где готовили корм для скотины. Рядом находилась другая бабушка с семьей: две её родственницы, девочки 15-16 лет, работали на скотном дворе у богатого хозяина. Что с нами будет дальше, никто не знал.

А дальше произошло самое неожиданное! Дело в том, что мой отец после освобождения посёлка в сентябре 1943 г. вернулся домой и стал вместе с другими жителями восстанавливать полуразрушенный Любохонский чугунолитейный завод. В это время в посёлке отдыхала воинская часть, несколько офицеров жили у нас. Когда они отправлялись дальше на запад, отец просил поискать наши следы, что-нибудь узнать о нашей судьбе. Невозможно поверить, но эти офицеры нас нашли в 1944 году, когда Литву освобождали от немцев! Нет слов, чтобы описать эту встречу, сколько было радости и слёз! Сначала нашли бабушку и всё ей рассказали. Мама в это время стирала бельё у другого хозяина, я прибежала к ней и сказала, что наш отец жив, один его брат воюет, а второй брат, семья которого была вместе с нами, погиб.

Военные нам очень помогли. Через несколько дней эшелон, с которым они прибыли, возвращался назад. Нас посадили в товарный вагон, дали продуктов, сопроводительный документ, чтобы нас не высадили. Мы возвращались домой, проезжая сожженную и разрушенную Белоруссию, Смоленскую область, где, кажется, не было ни одного целого дома! Так мы добрались до самого Брянска, а когда приехали в посёлок, к станции сбегались люди, ведь мы вернулись первыми, всем хотелось узнать о родных и близких, угнанных фашистами вместе с нами.

А через несколько лет, в 1953 году, я снова проехала этим путём, когда отправилась в Калининград учиться. Как отстроились города и сёла! Только нельзя было вернуть людей. Как может забыть белорусский народ, что каждый четвертый житель страны погиб. А сколько в Брянской области погибло партизан! Наверно не найдется ни одной семьи, не потерявшей близких, защищавших Родину.

Очень обидно, что сейчас некоторые западные политики хотят пересмотреть историю и результаты Великой Отечественной войны.

Морозова Г.А.